

ИЗЛОМНИК НЕ УГАСНЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лесной Мудрец

Изломник не угаснет

«Автор»

2026

Мудрец Л.

Изломник не угаснет / Л. Мудрец — «Автор», 2026

Бельм застрял на краю мира в вечной зиме. Солнце здесь не греет, а чёрное серебро, добываемое из-под мёрзлой земли, давно стало единственной валютой и главной надеждой города. Именно оно позволяет Бельму выживать вопреки климату уже несколько веков. Но недавно шахтёры пропали в глубине, а те, кто спустился их искать, также не вернулись. И никто не знает точную причину. Управление в панике, но рисковать гарнизоном никто не хочет. Поэтому появляется объявление - для тех, кому плевать на жуткие слухи. Возле доски у колодца стоит человек, который срывает его. Только вот он ещё не знает, что там знают его по имени.

© Мудрец Л., 2026

© Автор, 2026

Лесной Мудрец

Изломник не угаснет

Пролог

- Опять холодрыга сраная - в полтона произнёс Ворт.

Ворт сидел у спуска в шахту, перебирая в перчатке замерзшие пальцы.

Утро у входа всегда было одно и то же. Шахтёры подтягивались небольшими кучками через заснеженные дороги, дыша паром в воротники. Кто-то передавал кiset, кто-то сразу принимался за работу, а кто-то позволял себе погреться возле множественных деревянных пристроек. У костра, как всегда, спорили - о дорожающей цене на хлеб, кто кому-то задолжал, о бабе из третьей улицы, которую опять застукали. «Дак чего она, - донеслось оттуда, - ить предупреждали.» Ворт половины не понимал - северный говор у местных был быстрый, со жвачкой согласных.

В правом кармане у него лежало сушёное яблоко. Последнее из тех, что мать сунула в дорогу осенью. Он его не ел и не собирался - иногда только трогал через подкладку, проверял, на месте ли. Дома такого было полные ящики, и он не любил их с детства. Здесь же он два месяца носил это и не мог объяснить себе зачем.

Кто-то с краю костра поздоровался. Ворт кивнул, не оборачиваясь.

Двое парней раскачивали тачку, примёрзшую за ночь к жёлобу. В тачке была ещё не разобранная, вчерашняя порода, чьи чёрные крошки серебра поблёскивали среди серого камня. Один из них пнул стоячее колесо и выругался, второй шахтёр заржал. Бригадир из ближней артели крикнул на них, потом сам пошёл бить по ободу - дерево треснуло, и тачка поехала. Где-то дальше, около подъёмника, медленно и протяжно заскрипели ворота. Где-то с правой стороны опять заело колесо, мужики его раскручивали вручную, с матом и с двух рук.

Сама шахта смотрела на это всё огромной щелью в скале. Вход был не такой, как у южных каменоломен - там ворота со сводами, известняк светлый и небо над головой, а здесь же скала просто треснула и в трещину вколотили крепь. Балки уходили внутрь и через три шага терялись. Над входом находился деревянный навес, провисший под весом снега, и колокол на цепи. Колокол звонил не так часто, и лишь тогда, когда внизу что-нибудь случилось. За всё время Ворт слышал его дважды. И оба раза кто-то не поднимался.

Даллен подошёл сбоку и задымил трубку с первой спички.

- Поди опять о тёплой постели задумался?

- Нет. Просто холодно.

- Здесь всем студёно, юнец.

- Второй месяц здесь торчу.

- Дак что, не легче?

- Нет.

Даллен хмыкнул в воротник. Нос у него был красный и мокрый, с инеем на ноздрах. От спички тянуло серой, перебивая на секунду весь шахтный запах. Он затащил деревянную трубку с железной окантовкой и прокашлялся.

- Третий день подряд подпорки-то на втором скрипят. Я говорил Логлуме что менять надо. Знаешь, что он ответил?

- Что денег нет, - не поднимая головы сказал Ворт.

- Что денег нет, - передразнил Даллен. - Денег нет, а руду скотина гони. Когда нас завалит, он опять скажет, дескать «денег нету» - на похороны.

Ворт хмыкнул и подтянул ремень фонаря.

- Не завалит - ты слишком громкий, тебя даже камни боятся.

Кто-то из шахтёров рядом фыркнул. Даллен беззлобно ткнул кулаком в плечо Ворта.

- Ты опять вниз, в свою нору?

- Ну так моя очередь в те катакомбы лезть.

- Давеча была твоя очередь.

- Были бы люди, геологов у вас знаешь не так много.

Ворт пожал плечами.

- Вдобавок там тихо, никто не ноет про подпорки.

Даллен усмехнулся.

Сзади что-то с грохотом упало - кто-то уронил кирку с подмостков, кирка поскакала по обледелым доскам и звякнула о камень. Чей-то голос: «Руки из жопы!» Другой же в голос засмеялся.

Даллен покачал головой, не поворачиваясь на шум. Поправил ремень кирки на плече и на секунду замолчал.

- Слушай, мы нонче тоже в дальний забой. Поди случилось чего.

- А что там?

- Не знаю. Баяли ребята что капель-то пропала. Просто перестала, разом и всё. И эхо другое.

- Какая капель? Вода?

- Ну дык да.

- И что такого, замёрзла наверное. Чхать на неё.

- Может. - Даллен сплюнул в снег, потом затоптал плевком носком сапога. - Только в дальнем-то не мёрзнет никогда, там тепло идёт снизу. Сколько себя помню, всё время тута вкалывал. И это впервые.

- Ты же не один будешь там, зачем тогда волнуешься?

Ворт промолчал. Странно это конечно. В каменоломне дома такого не бывало. Там камень был камнем, он мог упасть, мог завалить, но никогда не дышал теплотой в декабре.

- Доживёшь - поймешь, что постоянство не в тяготу.

- Постараюсь, хотя с таким морозом не доживу.

Дым от трубки всё дальше уносил ветер.

- Нам с мужиками помощь нужна будет, как закончишь подойдёшь к нам на этаж и поступишь три раза по стене. Я приду.

- Думаешь через два уровня услышишь, шутишь?

- До обеда не поступишь - сам тебя за шкирку возьму.

- К чему такая спешка? Я здесь почти единственный кто исследует туннели.

- Не спорь, у нас давеча там парня завалило, никто так и не услышал. Пока опыта не наберёшь, хрен я тебя одного отпущу.

Даллен сказал это так, что Ворт на секунду задумался, почему он только сейчас узнал про это. Ворт хотел было спросить, но Даллен уже отвернулся, легонько стукнул его по плечу и пошёл к своей бригаде. Кирки на плечах, фонари у пояса, глухие голоса сквозь шарфы - всё было на месте. Бригада потянулась за ним и тут же спустилась.

У самого проёма Даллен чуть обернулся, затем потёр ладони - на секунду отогнав холод, и шагнул в темноту.

Ворт остался у входа.

Гул у костра постепенно стих - кто докурил, кто пошёл к подъёмнику, кто полез за Далленом. Двое из последней артели перетаскивали мешки с инструментом и ругались на пустом месте без злобы.

Ворт стоял и смотрел на чёрный зев. Шахта дышала ему в лицо ровным холодом. Запах был всегда один и тот же: мокрый камень, ржавчина, и жир от фонарей.

Он снял фонарь с пояса. Ворт занёс кремёнь над фитилём и высек искру.
Свет дотянулся до первой ступеньки и Ворт шагнул вниз.

Лестница уходила вниз четырнадцатью пролётами в довольно узком месте. Ворт считал их каждый раз просто чтобы было чем занять голову. На седьмом обычно становилось холоднее, на двенадцатом запах менялся: сверху мокрый, а снизу сухой и металлический.

Сегодня запах поменялся уже на восьмом.

Ворт остановился и понюхал воздух через шарф. Не то чтобы он умел определять, что не так. В Бельме многое было не как обычно, и он пока не научился отличать важное от неважного.

Ворт остановился на перекрёстке и стянул с пояса кусок толстой, засаленной ткани с нанесённой сеткой шагов. С небольшим усилием руки, огрызок грифеля противно скрипнул по влажному материалу.

Свет фонаря выхватил раскол в кровле. Он нанёс трещину на схему, поставил пометку «угол 45», потом провёл новую линию на правую стенку. В прошлый раз она была более гладкой. Ворт коснулся пальцами до камня - сухо. Хотя два дня назад здесь выступала ржавая влага.

- Замёрзло, что ли? - пробормотал он, поправил цифру длины на два шага вперёд и сунул планшет обратно.

Только сейчас он заметил, что с момента его остановки не слышно ни капли воды, ни скрипа крепи. Тишина стояла такая, что казалось будто шахта задержала дыхание.

Ворт немного покачался от раздумий и пошёл дальше.

Дойдя до нового места, он сразу увидел горящие фонари. Не его, а скорее те, что оставила бригада прошлой смены. Они должны были давно догореть, но эти горели ровно, как будто их зажгли только что.

- Эй.

Голос ушёл в тоннель. Эха не последовало, звук просто взял и исчез.

Он подошёл к фонарям. Там стояли четыре штуки, выставленные в линию. Рядом лежала кирка и моток верёвки. Тачка с рудой встала поперёк прохода и мешала пройти дальше. Тачку никто бы не оставил вот так.

Ворт присел. Под одним из фонарей был след, чего-то тяжёлого. Не сапога, и не фонаря - они не оставят за собой такую мокрую полосу.

Он поднёс палец к фонарю и палец заблестел чёрным. Ворт стал принюхиваться, пахло не горячим, а скорее гнилью.

Откуда-то из глубины донёсся звук, или показалось.

Он подошёл к стене и прислушался. Ничего.

- Есть кто?

Он подождал.

«Может пропал кто? Надо сказать Даллену.»

Он перешагнул тачку и пошёл дальше.

Тоннель к дальнему забою сужался постепенно

На середине пути он оглянулся. Света от фонарей за поворотом уже не было видно. Тоннель за спиной выглядел темнее, чем впереди.

Он пошёл быстрее.

Откуда-то из глубины донёсся звук.

Даже не звук, больше похоже на медленное дыхание, с хрипом на выдохе. Ворт поднял масляный фонарь выше. Свет дотянулся до ниши в стене, которую вскрыли три дня назад. За отколотой плитой был узкий проход, примерно в локоть глубиной.

Дыхание шло оттуда.

В ушах загудело. Ворт понял, что давно не дышит, а кирка в его руке стала вдруг очень лёгкой.

Он поднял кирку и три раза ударил по стене.
Дыхание в нише оборвалось.

Он ждал, не зная чего - может ответа, может шороха или голоса. Из ниши не приходило ничего. Тишина была плотная, как бархатная ткань.

А потом из ниши постучали в ответ.

Раз. Два. Три.

В точности его ритм, даже слишком, вплоть до секундны.

У Ворта похолодело под рёбрами

- Далл? - голос вышел тонкий. - Далл, ты там? Старый, не смешно!

Стук повторился, с той же тройкой и интервалом.

Ворт сделал шаг назад и ощутил, как стена за спиной была мокрой.

Он обернулся.

Из стены, на уровне его лица, проступало пятно - чёрное, живое и медленное. Камень под ним не трескался и не осыпался - пятно просто проявлялось сквозь породу.

Из ниши снова постучали. Раз, два, три.

Ворт побежал.

Он не думал. Ноги несли сами, настолько быстро, насколько могли. Туннель постепенно увеличивался от каждого поворота и в тоже время сужался под влиянием паники. Ближайшая лестница была уже около него, всего четырнадцать пролётов, и ты наверху. Всего четырнадцать.

На пятом нога поскользнулась от чего-то склизкого.

Ворт упал на колено и ударился плечом о стену. Стена не отбила удар, а приняла и пыталась поглотить как трясина заглатывает сапоги.

Он почувствовал, как куртка натянулась. Потом поползла.

- Нет - нет - нет

Холодный воздух от стены вошёл в лопатки. Он вцепился в ворот двумя руками и потянул - порода держала крепче чем он мог представить. Тогда он потянул сильнее, и почувствовал, как под курткой тронулась рубаша, а под рубашой его собственная кожа.

Он разжал руки.

И вырвался.

Куртка ушла в стену без какого-либо звука и сопротивления, она просто растворилась на глазах.

Фонарь от такого рывка сорвался вниз и погас вместе с последней вспышкой.

Ворт перестал понимать, где стена, а где он сам. Воздух стал густой и солоноватый.

Он карабкался в темноте. Руками вперёд, ногами наугад, считая пролёты, которые уже не считались. На шестом или седьмом - он не знал.

Из темноты за спиной донеслось почти невидимое ощущение, с протяжкой, как будто звук тянули из горла насильно:

- ...сэ-э-э...

Он не обернулся, дыхание полностью перебивало любой шёпот.

Ворт забрался наверх.

В темноте рука сама полезла в карман под паничное дыхание.

Ничего

Он не вспомнил, когда именно оно ушло. Только что карман был тяжелее - или ему казалось. Он стоял и не мог вспомнить ни запаха, ни веса, ни того, что там было.

Ворт попытался крикнуть, но не вышло. Ощущения, что ты кричишь и не слышишь себя.

Стены пропали, или он пропал, непонятно. Было лишь дыхание в ушах.

- ...ва-аа-р...

Последнее, что он услышал, был стук колокола сверху.

Раз.

Сознание качнулось, как фонарь на ветру.

Два.

Чьи-то руки тащат меня. Камень под спиной. Это уже не важно.

Три.

Тишина.